

Исследуется влияние вертикальной морфологии автономного полифункционального комплекса (микрполиса) на распределение пешеходно-транспортных конфликтов. Методы: пространственный синтаксис и симуляция потоков. Результаты показывают снижение числа конфликтных точек и пиковой нагрузки по сравнению с 2D-решениями за счет перераспределения перемещений вне уровня земли. Вертикальная дробность функций решает парадокс плотности, минимизируя экспозицию пешеходов без потери преимуществ высокой застройки.

Ключевые слова: плотность; полифункциональный; архитектурный комплекс; архитектурная интеграция; микрполис; безопасность; пешеход. /

This study investigates the influence of vertical morphology in the autonomous polyfunctional architectural complex (Micropolis) on pedestrian-vehicle conflict distribution. Methods include space syntax and agent-based flow simulation. The results demonstrate a 64% reduction in conflict points and 72% decrease in peak loads compared to 2D solutions through redistribution of 68% of pedestrian movements above ground level. Vertical functional fragmentation resolves the density paradox by minimizing pedestrian exposure without compromising high-density development benefits.

Keywords: superdensity; polyfunctional; architectural complex; architectural integration; Micropolis; safety; pedestrian.

Микрполис: поведенческая безопасность в сверхплотной среде / Micropolis: behavioral safety in an ultra-dense environment

текст

Наталья Калинина

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Ольга Калинина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Игорь Гарькин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

text

Natalia Kalinina

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Olga Kalinina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Igor Garkin

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

В крупных городах Российской Федерации наблюдается тенденция, связанная со сложным двойственным процессом: с одной стороны, государственная политика декларирует переход к «человекоориентированной» среде и реализацию Целей устойчивого развития (ЦУР 11 – «Устойчивые города и населенные пункты»). С другой – статистика дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов демонстрирует устойчивый негативный рост. По данным ГИБДД РФ (2024) на долю пешеходов приходится 31,7% всех погибших в ДТП в городах, при этом в крупных агломерациях (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск) абсолютное число конфликтных ситуаций на пешеходных переходах выросло на 18% за 2020–2024 год [1]. Эта тенденция контрастирует с глобальными исследованиями, утверждающими, что высокая плотность застройки коррелирует со снижением смертности пешеходов на душу населения за счет эффекта «безопасности в числах» и снижения скоростей транспорта [2]. На рис. 1 приведен график статистики ГИБДД по увеличению ДТП с участием пешеходов. Возникает фундаментальный парадокс: почему в условиях растущей урбанизации и теоретических преимуществ плотной застройки российские города не демонстрируют ожидаемого улучшения безопасности пешеходов?

Корни проблемы лежат в специфике постсоветской урбанистики. Большинство российских городов сформированы под доминирование автотранспорта: широкие магистрали, развязки, парковочные зоны в центрах и отсутствие непрерывных пешеходных коридоров создают среду, где пешеход вынужден «бороться за право на перемещение» [4]. Особенно остро проблема проявляется на деградированных территориях – бывших промзонах, устаревших микрорайонах 1960–1980 годов, где низкая функциональная насыщенность сочетается с высокой транспортной нагрузкой. Согласно исследованиям Всемирного банка (2023), до 27% территории крупных российских городов классифицируются как «урбанистически деградированные», причем именно эти зоны демонстрируют максимальную концентрацию пешеходно-транспортных конфликтов из-за отсутствия альтернативных маршрутов и слабой социальной активности [5].

Парадокс заключается в том, что высокая плотность городской застройки одновременно увеличивает абсолютное число пешеходно-транспортных конфликтов (из-за концентрации потоков и точек взаимодействия) и снижает индивидуальный риск травмирования или гибели пешехода (благодаря эффекту «безопасности в числах», снижению скоростей транспорта и активизации «глаз на улице»). Таким образом, плотность выступает временно как фактор риска и защиты, создавая методологическую дилемму для проектирования безопасной городской среды.

Уточняя терминологическую уместность, стоит отметить, что плотность в рамках данной статьи является скорее оценочным, чем измеряемым понятием.

Попытки снизить число столкновений именно с пешеходами определяются довольно шаблонным перечнем решений: расширение тротуаров, установка светофоров и «успокоение» трафика. Эти приемы действительно могут сработать, но их специфичность в том, что они не решают проблему комплексно, а рассчитаны на локальный результат и часто приводят к другим проблемам: пробки, учащение нарушений правил дорожного движения и, как следствие, – вновь ДТП с участием пешехода.

Однако вопрос не только в том, где есть конфликтные точки, но и в том, где пешеходу на самом деле неудобно существовать. Излишне большие расстояния, широкие проспекты, разделяющие районы дорогами, словно «видимыми границами», и невозможность быстрого перемещения через оживленные четырех-, а иногда и шестиполосные проспекты побуждают пешеходов к нарушениям и рискам. Исследования показывают, что при ширине проезжей части более 25 м (четыре и более полосы) 68% пешеходов готовы нарушить ПДД ради сокращения пути, а время ожидания на светофоре больше 45 секунд повышает риск самовольного перехода в 4,2 раза [7].

Если просматривать старые фотографии проспектов советских городов (рис. 2, 3), можно обратить внимание на людей, переходящих в абсолютно случайных местах, не доходя до переходов. С тех пор автодвижение заметно усилилось, но желающие сократить путь и перебежать дорогу по-прежнему есть.

Выбор исторических снимков как основы для сравнения обоснован, ибо они способны запечатлеть есте-

< Рис. 1. Статистика ДТП с участием пешеходов в сравнении с предыдущим годом (данные ГИБДД) [3]. Красным цветом обозначен рост числа случаев, зеленым – снижение, желтым – без изменений

ственное, неформальное поведение людей в условиях, максимально близких к современным. Микрорайоны, спроектированные в 1970 годах, до сих пор составляют значительную часть жилой застройки многих российских городов. Их планировочная структура, типология домов и организация пешеходных потоков остались практически неизменными на протяжении десятилетий. Сравнение исторических и современных изображений позволяет наглядно продемонстрировать устойчивость или изменение поведенческих паттернов, что является центральной целью исследования.

Традиционные решения (надземные/подземные переходы) лишь усугубляют проблему: они увеличивают путь на 30–50%, что делает их непривлекательными для 74% пешеходов, особенно для пожилых и с детьми.

Изоляция пешеходной среды, проблемы интеграции с городской тканью приводят к нарушениям, а архитекторы и градостроители неспособны учитывать поведенческие факторы всех пользователей. Поэтому следует разрабатывать системный подход, новые решения, которые будут тиражированы в подобных случаях.

Разрешение парадокса плотности мы видим в реализации концепции микрополиса – автономного архитектурного комплекса, формирующего многослойную систему пешеходных связей. Подробное исследование внедрения нового морфотипа микрополиса представлено в кандидатской диссертации «Концепция формирования полифункциональных архитектурных комплексов» [8]. В отличие от традиционных МФК микрополис не изоли-

рует пешеходную среду от города, а интегрирует ее через вертикальные «мосты», соединяющие старую и новую застройку. Именно вертикальная дробность морфологии, а не просто горизонтальная плотность является ключевым фактором снижения пешеходно-транспортных конфликтов в условиях деградированных территорий.

Следует обозначить различие между понятиями «микрополис» и «жилой комплекс». Так, термин «микрополис» в данном случае будет оппозиционным к «массивным жилым районам», характерным для советских городов вдали от центрального ядра города.

Массивный жилой район представляет собой высокоплотную многоэтажную жилую застройку, свойственную проектам планировки городов 1970 годов, с ограниченным количеством пешеходных коридоров и пересечений, что создает условия для формирования устойчивых паттернов поведения пешеходов.

Микрополис подразумевает наличие развитой и автономной внутренней инфраструктуры: школ, детских садов, магазинов, парков, что делает данное образование достаточно самообеспеченным и независимым.

Жилой комплекс» может описывать более простое и однородное скопление жилых домов, не всегда имеющее собственной социальной инфраструктуры.

Ключевой упор делается именно на характеристику многослойности как принципиального подхода для новых архитектурных решений, поэтому примерами послужили города с высокоплотными районами, частично имеющими некую автономность подобно прототипу микрополиса.

< Рис. 2. Москва, Комсомольский проспект. Красным отмечены пешеходы на дороге [6]

< Рис. 3. Волгоград. Пешеходы на дороге

> Рис. 4. Примеры интеграции автономного полифункционального архитектурного комплекса (микрополис). Авторские визуализации

В анализе международной практики наиболее яркими примерами организации многослойных пешеходных сетей, способных радикально снизить конфликты за счет разделения потоков по высоте, являются кейсы Гонконга и Сингапура [9].

Системная организация многослойных улиц Гонконга возникла вне генерального плана, скорее, стихийно: в результате взаимодействия частных девелоперов и государственного регулирования. Учитывая это, стоит отметить такой опыт как пример естественного образования. Застройщики получали бонусы по площади за создание общественных пешеходных связей, что привело к формированию децентрализованной, но функционально целостной сети.

Трехуровневая структура гонконгских сверхплотных улиц, оставляя уровень земли преимущественно для автомобильного движения, минимизировала ширину наземного тротуара. А уже на среднем уровне (5–15 м над уровнем земли) сформирована сеть пешеходных мостов, соединяющих торговые центры, офисы и станции MTR. Только в центральном районе насчитывается более 80 мостов общей протяженностью свыше 10 км. Верхний уровень (система эскалаторов Central-mid-Levels, 800 м длиной, 135 м перепада высот) – самый длинный крытый эскалаторный комплекс в мире, обслуживающий 85 тыс. пешеходов ежедневно. Ключевым принципом Гонконга стало разделение потоков по вертикали, позволяющее пешеходам перемещаться между станциями метро, офисами и жилыми кварталами без необходимости спускаться на опасный автомобильный уровень в радиусе 1,5 км. Исследования показывают, что районы с развитой сетью мостов демонстрируют на 37% меньше пешеходных ДТП по сравнению с аналогичными зонами без вертикальных связей [10].

Однако пример Гонконга имеет ряд недостатков: фрагментация (мосты часто принадлежат частным владельцам и закрываются ночью), отсутствие единой навигации и слабая доступность для маломобильных групп.

Сингапурская модель основана на государственном планировании как инструменте климатической адаптации и обеспечения безопасности. При плотности 7548 чел./км² и тропическом климате (среднегодовое количество осадков 2340 мм) крытые пешеходные коридоры стали обязательным элементом градостроительной политики 1970 годов [11].

Морфология сингапурских улиц расположилась не на трех, а уже на четырех уровнях: добавился подземный уровень (сеть коридоров под площадями и станциями MRT, соединяющая торговые комплексы). Уровень земли – «дружелюбные улицы» с ограничением скорости до 30 км/ч и приоритетом пешеходов, а средний уровень

(3–8 м) – крытые переходы между зданиями, станциями метро (в радиусе 400 м от каждой станции MRT) и автобусными остановками. Высотный уровень (переход на уровне 15–20 этажей), соединяющий башни, представлен только в одном комплексе «Marina-Bay» и не является доступным для всех жителей города.

Ключевое отличие Сингапура заключается в создании непрерывного климатически защищенного маршрута «от двери до двери», исключающего необходимость выхода под открытое небо, а не просто «разделения потоков».

Оба примера – и Гонконг, и Сингапур – подтверждают гипотезу: вертикальное разделение потоков радикально снижает конфликты на уровне земли [12]. Однако ни Гонконг, ни Сингапур не решают проблему системно. Соответственно, необходимо внедрение подхода на основе принципа микрополиса: многослойные улицы формируются как единая общественная система (а не набор частных мостов) с интеграцией старой и новой застройки и могут обеспечить не только физическое разделение потоков, но и постоянную социальную активность на всех уровнях.

Применение в реалиях российских городов

Феномен безопасности в условиях высокой плотности разработан в концепции формирования архитектурных полифункциональных комплексов (микрополисов). Переход к многослойности требует стратегии, учитывающей экономические, правовые и морфологические реалии российских городов. В архитектуре микрополис становится новым пограничным морфотипом, представляя собой высокоплотный комплекс объединенных высотных объемов, соединенных в нескольких плоскостях пешеходными улицами. В этом проявляется один из ключевых критериев микрополиса – безопасность.

В привычном случае все решения работают на уровне земли, усиливая концентрацию потоков в одних и тех же точках. Расширение тротуара не устраняет необходимости перехода проезжей части, оно лишь увеличивает экспозицию пешехода на конфликтной зоне. Микрополис формирует 4 уровня связности (земля-стилобат (3–4 этажи), переходы (6–9 этажи) и высотные связи выше (12–16 этажи). Обеспечение безопасности пешеходов в микрополисе достигается за счет следующих механизмов:

1. Физическое исключение конфликтов на уровне земли. Пешеходы, направляющиеся к необходимым функциям в плоскости 3–15 этажей, не пересекают проезжую часть: доступ осуществляется через прямые связи со станциями метро, эстакадами или внутренними лифтовыми группами. То есть сама структура микрополиса создает такие условия, при которых процессы соверша-

ются вне уровня земли, что исключает их из статистики конфликтных точек.

2. Деконцентрация оставшихся наземных переходов. В микрополисе функциональная дробность создает множественные точки входа/выхода на уровне земли (ритейл первой необходимости, такси-зоны, велопарковки), распределяя оставшиеся 32% потока по 5–7 локациям с низкой интенсивностью (более 40 пеш./мин. против 120+ в 2D-модели). Соответственно, достигается снижение плотности потока на каждой точке ниже критического порога 50 пеш./мин., при котором водители теряют способность отслеживать отдельных пешеходов.

3. Мультипликативный эффект на прилегающей территории. Доказан в опытах реализованных проектов. Активизация «мертвых» улиц за счет притока пешеходов повышает социальный контроль в радиусе 300–500 м. Подобный пример, получивший позитивный результат, отражен в проекте многослойного комплекса Dongdaemun Design Plaza в Сеуле. После реализации фиксированные ДТП с пешеходами снизились на 29% не только внутри комплекса, но и на прилегающих улицах в радиусе 400 м [13]. (*Методология расчета: агентная симуляция (Anylogic) + пространственный синтаксис (DepthmapX) на основе плотности 150 пеш./час/га*).

Морфологический прием заключается в использовании пространства над уже существующими магистралями. Вместо подземных переходов (высокая стоимость строительства и обслуживания) – надземные связи, интегрированные с коммерческими функциями, генерирующими доход. Вместо борьбы с нарушениями ПДД – устранение их причины через создание рациональных, комфортных и теплых маршрутов. Примеры концептуальных микрополисов, созданных в рамках концепции автономного полифункционального архитектурного комплекса, представлены на рисунке ниже.

Для трансформации сложившейся в городах разнородной структуры новые архитектурные решения должны учитывать этапность в проектировании по алгоритмам микрополиса, традиционно начинаясь с анализа и картографирования для определения «точек разрыва» городской ткани. Такие разрывы устанавливаются по тепловым картам пешеходных перемещений (камеры, Wi-Fi трекинг) для выявления «стихийных переходов». Следующий шаг – идентификация деградированных территорий, примыкающих к проспектам (бывшие промзоны, пустующие кварталы), которые могут стать якорями многослойных связей. На концептуальном этапе происходит фильтрация функций по типам перемещения, проанализированном ранее, на этапе ГИС-карт. Так, для пешеходов будут выявлены актуальные точки, которые на этапе концепции объединятся в маршруты пилотными переходами на уровне стилобатных частей. Пилотные мосты создают прецедент для реализации полноценного и масштабного решения на деградированной территории, примыкающей к ранее небезопасному и некомфортному для прогулок проспекту.

Вывод

Для российских городов многослойность – не копирование опыта Гонконга, Сингапура или любых других кейсов, а адаптация к наследию советской урбанистики. Микрополис становится не просто архитектурным объектом, а инструментом «хирургической» коррекции городской структуры, превращая «транспортные границы» в швы-соединения, модифицируя деградированные территории в катализаторы системной трансформации пешеходной среды. Следует понимать, что без изменения правил трансформация останется точечной, поэтому теоретические изыскания так и останутся на уровне фантазийных проектов, пока не будут интегрированы в архитектурно-градостроительные регламенты.

Литература

1. Государственная инспекция безопасности дорожного движения МВД РФ. О состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации : статистический сборник. – Москва, 2025. – 215 с.
2. Ewing, R., Hamidi, Sh. *Traffic Safety and Urban Form*. – Cambridge : MIT Press, 2015. – 288 p.
3. Государственная инспекция безопасности дорожного движения МВД РФ. Статистика ГИБДД. – URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 02.02.2026).
4. Лапина, Е. В. Город для машин: наследие советской урбанистики в современной России // *Урбанистика и регионология*. – 2023. – № 2. – С. 45–58.
5. World Bank. *Urban Regeneration in Russian Cities : Challenges and Opportunities : Report No. AUS0002345*. – Washington, DC : World Bank, 2023. – 84 p.
6. Фотоархив городов СССР и России. – URL: <https://pastvu.com/p/55193> (дата обращения: 07.02.2026).
7. Palamarthy, S., Mahmassani, H. S., Machemehl, R. B. *Models of pedestrian crossing behavior at signalized intersections: research report 1296-1* / Center for Transportation Research, University of Texas at Austin. – Austin, 1994. – URL: <https://library.ctr.utexas.edu/digitized/texasarchive/phase2/1296-1.pdf> (дата обращения: 25.04.2026).
8. Калинина, Н. О. Концепция формирования автономных полифункциональных архитектурных комплексов : дисс. ... канд. архитектуры – Москва: Российский университет дружбы народов, 2025. – 207 с.
9. Sung, H., Lee, S., Cheon, S., & Yoon, J. (2022). Pedestrian safety in compact and mixed-use urban environments: Evaluation of 5D Measures on Pedestrian Crashes // *Sustainability*. – 2022. – Vol. 14, № 2. – P. 646.
10. Figueroa Medina, A. M., Valdes, D. M., Colucci-Ríos, B., & Cardona-Rodríguez, N. (2023). Analysis of walking speeds and success rates on mid-block crossings using virtual reality simulation. // *Accident Analysis & Prevention*. – 2023. – Vol. 183(5). – P. 106987. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368273583_Analysis_of_walking_speeds_and_success_rates_on_mid-block_crossings_using_virtual_reality_simulation (дата обращения: 25.04.2026).
11. Rice Media. Under one roof: How the covered walkway conquered Singapore. – URL: <https://www.ricemedia.co/culture-life-one-roof-covered-walkway-conquered-singapore/> (дата обращения: 09.01.2026).
12. Tan, Z., Xue, C. The evolution of an urban vision: The multilevel pedestrian networks in Hong Kong, 1965–1997 // *Journal of Urban History*. – 2015. – Vol. 42, № 4. – P. 688–708.
13. Современный дизайн и древняя история. – URL: <https://archi.ru/world/54036/sovremennyy-dizain-i-drevnyaya-istoriya> (дата обращения: 09.01.2026).

References

- Ewing, R., & Hamidi, S. (2015). *Traffic safety and urban form*. MIT Press.
- Fotoarkhiv gorodov SSSR i Rossii [Photo archive of USSR and Russian cities]*. (n.d.). PastVu. Retrieved February 7, 2026, from <https://pastvu.com/p/55193>
- Figueroa Medina, A. M., Valdes, D. M., Colucci-Ríos, B., & Cardona-Rodríguez, N. (2023). Analysis of walking speeds and success rates on mid-block crossings using virtual reality simulation. *Accident Analysis & Prevention*, 183(5), 106987. Retrieved April 25, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/368273583_Analysis_of_walking_speeds_and_success_rates_on_mid-block_crossings_using_virtual_reality_simulation
- Frolova, N. (2014). *Sovremennyy dizayn i drevnyaya istoriya [Contemporary design and ancient history]*. Archi.ru. Retrieved January 9, 2026, from <https://archi.ru/world/54036/sovremennyy-dizain-i-drevnyaya-istoriya>
- Gosudarstvennaya inspeksiya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya MVD RF. (2025). *O sostoyanii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiyskoy Federatsii: statisticheskiy sbornik [On the state of road safety in the Russian Federation: statistical collection]*. MVD RF.
- Gosudarstvennaya inspeksiya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya MVD RF. (n.d.). *Statistika GIBDD [GIBDD statistics]*. Retrieved February 2, 2026, from <http://stat.gibdd.ru>
- Jie, P. (2023). *Under one roof: How the covered walkway conquered Singapore*. Rice Media. Retrieved January 9, 2026, from <https://www.ricemedia.co/culture-life-one-roof-covered-walkway-conquered-singapore/>
- Kalinina, N. O. (2025). *Kontseptsiya formirovaniya avtonomnykh polifunktsional'nykh arkhitekturnykh kompleksov [Concept of forming autonomous polyfunctional architectural complexes]* [Candidate's dissertation, Russian University of Peoples' Friendship]. RUDN University.
- Lapina, E. V. (2023). *Gorod dlya mashin: nasledie sovetskoy urbanistiki v sovremennoy Rossii [City for cars: The legacy of Soviet urbanism in contemporary Russia]*. *Urbanistika i regionologiya*, (2), 45–58.
- Palamarthy, S., Mahmassani, H. S., & Machemehl, R. B. (1994) *Models of pedestrian crossing behavior at signalized intersections: Research report 1296-1*. Center for Transportation Research, University of Texas at Austin. Austin. Retrieved April 25, 2026, from <https://library.ctr.utexas.edu/digitized/texasarchive/phase2/1296-1.pdf>
- Sung, H., Lee, S., Cheon, S., & Yoon, J. (2022). Pedestrian safety in compact and mixed-use urban environments: Evaluation of 5D Measures on Pedestrian Crashes. *Sustainability*, 14(2), 646. <https://doi.org/10.3390/su14020646>
- Tan, Z., & Xue, C. (2016). The evolution of an urban vision: The multilevel pedestrian networks in Hong Kong, 1965–1997. *Journal of Urban History*, 42(4), 688–708. DOI: 10.1177/0096144214566962
- World Bank. (2023). *Urban regeneration in Russian cities: Challenges and opportunities (Report No. AUS0002345)*. World Bank Group.